СЕНТЯБРЬ 1928 — № 34 — ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ — ЦЕНА 15 КОП.

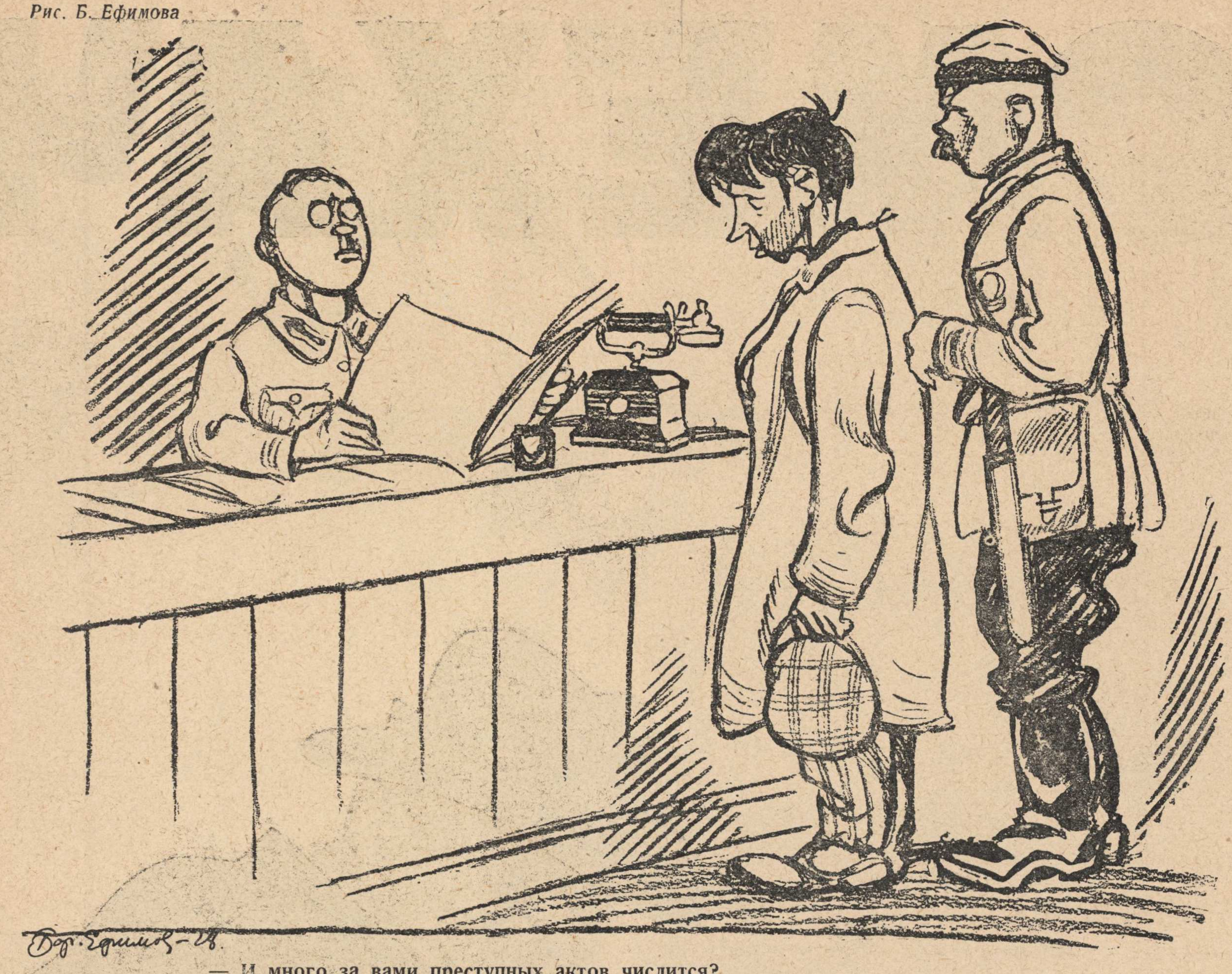

— Папочка, а почему это звери всегда рычат, когда им приносят есть?
— Они боятся, сынок, чтобы им обед из кооперативной столовки не подсунули...

Рис. М. Черемных

ИЗ ПРЕСТУПНОГО МИРА

Рис. Б. Ефимова

— И много за вами преступных актов числится?
— Всего три: трехактную оперетту для летнего сезона написал.

УПРЯМЫЕ ЛЮДИ

Есть государства, с которыми совершенно не приходится возиться. Воспитанные, корректные, услужливые. Возьмите, например, Румынию. Краденые русские пароходы перепродать— пожалуйста, собственную нефть за поддержку очередного кабинета отдать — пожалуйста, военный союз за небольшие чаевые заключить — еще раз пожалуйста! Не скажу, чтобы и Польша не была невоспитанной, или там не знающей хорошего обращения. Подстрелить кого — милости просим, ориентацию за заем переменить — отчего-же, тайный договоришко за наличные ассигнации подписать — почему-же нет?

Словом, в лондонских яслях, где воспитываются роковые младенцы восточно-европейской политики, — возни с ними немного. Младенцы получаются здоровенькие, на десятом году уже говорят басом и охотно тянутся неопытными рученками к увесистой дубине, — а уж чужой череп когда покажут — прямо трясутся от удовольствия.

Единственное неприятное существо на востоке Европы — это литовцы.

Тяжелый характер, не соответствующий ни климату, ни эпохе, ни версальскому миру, ни затратам энергии: не желают уничтожаться.

— Слушайте, вы, молодые люди, — хмуро начинают очередной урок лондонские воспитатели из «Таймса» — очень уж вы на неудобном месте сидите.

— Так мы уж тут давно...

— Ну это, знаете, не оправдание: а если гвоздь в супе с утра лежит — так его вынуть нельзя?

— Не по чину место занимаете... Да будь на вашем месте Польша — так что бы только было... Жить бы да радоваться... Прямо семейно-танцевальный вечер в прибалтийском масштабе, а не политика... И за чем дело? Дело в мелочи.

— В какой мелочи?—хмурятся упрямые литовские молодые люди.

— В соусе.

— В каком соусе?

— А под каким вас Польша с'есть должна.

— Позвольте, но ведь к соусу необходимо жаркое, а мы не хотим быть жарким. Хоть на голосование ставьте.

— То-есть, как это? — с придыханием в голосе спрашивают в Лондоне. — Вы не хотите, чтобы вас с'ели?

— Вот, вот! — обрадованно подхватывают литовцы. — Прекрасное выражение! Именно: не хотим, чтобы нас ели...

— Ну, знаете, до такого нахальства еще никто, кажется, не доходил. Да вы даже и представить себе не можете, в каком виде вы сами будете... Ведь это же первый ваш выход на стол... Подрумяненные, корочка хрустит, кругом гарнир из договоров, прекрасная сервировка прямо из Парижа... А что вам остается? Таять во рту и больше ничего. И это называется работа?

— Пусть другие тают, — хмуро отвечают литовцы, — были такие, которые таяли, да теперь нет...

— Ну, знаете, это чорт знает что... Людям предлагают перевариваться в культурных желудках современности... Сама Лига Наций будет посыпать укропом... Пальмовая ветка мира в зубах... Лучшие кельнера версальской кухни... А они хоть бы что...

— И, действительно, — ну, что с такими упрямыми неслухами поделаешь? А ведь счастье, как сказал поэт, было так возможно, так близко... А ведь какие есть послушные, почтительные правительства...

Тяжело воспитывать современную молодежь,—ох, тяжело!..

Л. Арбатский

ПЯТНА

Против кинематографа «Фантомас» помещалась «Образцовая китайская прачечная и химическая чистка Л. Зябликова».

По вечерам Л. Зябликов с грустью смотрел на публику, валившую в кинематограф, и думал:

— Некультурная масса!—белье у них темней осенней тучи, на толстовках у них пятна, а вместо того, чтобы итти ко мне, прут в «Фантомас»! Идиоты!

Но «идиоты» предпочитали ежедневно ходить в кинематограф и вовсе не заглядывали в прачечную.

— Уж пятый месяц, как я функционирую, и ни одна собака не приходит. Скажи, пожалуйста, в чем дело? — спрашивал Л. Зябликов соседа своего И. Бобштейна, который помещался рядом под вывеской «Часовых дел мастер».

И. Бобштейн, не выпуская из правого глаза лупы и продолжая маленьким ломиком крошить внутренности часового механизма, загадочно улыбался.

— Ведь я облюбовал ваш город,—продолжал Л. Зябликов,— только потому, что здесь нет ни одной прачечной и хим. чистки. Ведь не американцы же они, чтоб выбрасывать белье и покупать каждый раз новое!

— Я вам должен сказать,— ответил на это И. Бобштейн,— хоть они и не американцы, но белье они меняют раз в три года.

— Чтоб они подохли, окаянные! Они меня по миру пустят! — искренно сказал Л. Зябликов.

— А вон, видите: поскакал сотрудник газеты, подписывается «Принц Датский». Этот принц, должен вам сказать,—оживился часовой мастер, — живет рядом со мной, так он носки носит десятилетиями. Однажды сдирает их со своих ног, комкает и бросает в стенку. Если носки прилипают к стенке, то покупает новые, а если носки отваливаются, то он их таскает еще один «квартал». А «квартал» у него — пять лет.

— Чтоб они подохли! Они меня по миру пустят!—простонал владелец «Китайской образцовой прачечной и химчистки». — Но что делать?! Ведь вы же вот существуете, хотя часы менее необходимая вещь, чем стиранное белье, а я уже не говорю про пятна.

— Часы? О, да... Вы видите, каким инструментом я их чиню? Этот маленький ломик, которым я колупаю в часах, на воровском жаргоне называется «фомкой» и прямой обязанностью его является взламывать амбары, сундуки и черепа... Но пока я додумался до этого ломика, я также, как и вы, страдал... — сказал И. Бобштейн.

— Ладно, и мы для них тоже чего-нибудь присочиним! — погрозил Л. Зябликов и ушел...

***

Билетерша кино-театра «Фантомас» вот уже час, как шопотом о чем-то спорила с владельцем прачечной.

— 20 копеек с пятна и ни копейки меньше!—говорила она, дымя папиросой.

— Пятнадцать, больше не могу.

— Да, но ведь я одна работать не буду! Ведь нас трое, да еще кино-оператору тоже нужно заплатить... Три раза кресла смазывать, риск...

— Мне не нужно три раза. Мне хватит на последние два сеанса... Сколько у вас человек в среднем за вечер бывает?

— Если считать два сеанса,— человек триста.

— Ну, что же, триста пятен по 15 копеек—вы имеете сорок пять рублей. Кино-оператору дадите пять рублей, и он вас будет, не знаю как, благодарить. А сорок разделите... Или, чтоб долго нам не спорить, — я вам, лично вам, прибавлю пятерку в вечер, но имейте в виду, что вы отвечаете за все пятна.

— Будьте спокойны,—сказала билетерша,—и не сомневайтесь в нашей порядочности.

Она закурила новую папиросу и, смутившись, спросила:

— А как, — простите щепетильный вопрос,—относительно расплаты? Не могли бы вы сейчас нам дать сколько-нибудь?

— Это можно! Десять рублей вот, а остальные по выполнению работы, как условились...

***

На третий день после этого разговора, у многих граждан на штанах, а у гражданок на юбках появились величиной с блин зеленые пятна. Ни бензин, ни крепкий чай, ни горячий утюг— не выводили этих пятен. Наоборот, пятна от этого свежели и еще ярче горели.

Л. Зябликов, сидя на скамеечке возле своего заведения, с удовольствием глядел вслед уходящему гражданину с зеленым блином. Многих граждан он зазывал и предлагал «бесплатно, исключительно для рекламы» моментально уничтожить пятно. Некоторые соглашались ради любопытства, другие же категорически отказывались.

— «Пятна сзади, плевать, а вы еще чем-нибудь смажете и материал развалится!»—рассуждали они.

Напрасно Л. Зябликов ждал еще неделю, все равно никто не заглядывал к нему в прачечную. Так и прогорела «Образцовая китайская прачечная и хим. чистка».

Вскоре Л. Зябликов навсегда исчез из города. И хорошо сделал, так как вся эта «преступная затея» обнаружилась, когда билетерша вышла замуж за начальника милиции и, ничем не рискуя, в минуту откровения об этом шутливо рассказала мужу.

О Зябликове давно забыли, но пятна его еще и сейчас героически носят граждане и гражданки. И многие из них в шутку эти пятна до сих пор называют:

— «Зябликова печать», «Зябликово тавро» или «Пятно им. Зябликова».

Б. Левин

ФОКСТРОТЧИКИ

Они всегда довольны собой,
Не слишком вежливы и не слишком грубы,
Мещанством зовут граммофон с трубой
Бонтоном — беструбый.

***

Они англичане до мозга костей
(Другого мозга у фокстротчиков нету),
Они разговорами занимают гостей
И без разговоров — монету.

***

У них и в походке особый фасон,
Это не преувеличение и не острота:
Правая нога выдрыгивает чарльстон,
Левая волочится в порядке фокстрота.

***

На черепах проборчики аховые,
Очки черепаховые на глазах,
И явственно светит сквозь черепаховые
Полная и абсолютная пустота в черепах.

Михаил Вольпин

ЧЕМ НЕ ДОКТОР?

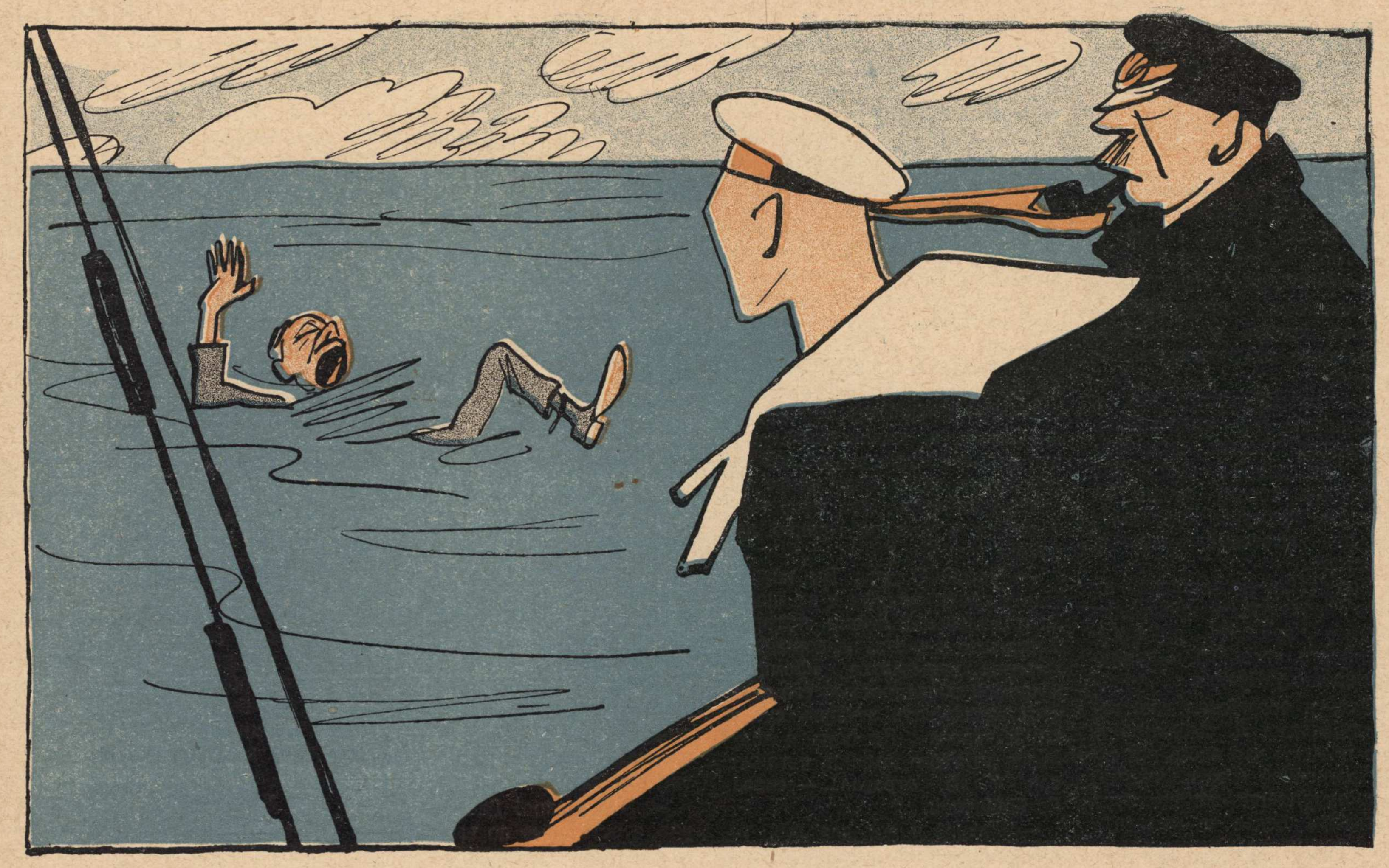
Замечены случаи грубого обращения милиции с населением.

Рис. А. Радакова

— Что вы делаете?
— А это я внушением от пьянства лечу.

ЖУЛИК-НАРОД

Рис. Л. Бродаты

— Надо ему круг бросить, что ли...
— Ну да! А вдруг он с ним уплывет?..

ЛИЦО, ИМЕЮЩЕЕ ПРЕПЯТСТВИЕ

В бюро газетных вырезок вошел вялый молодой человек в мягкой и не пристающей к телу одежде. Когда он снял шляпу, то стало видно, что и волосы отстают от головы, сквозь обширную растительность просвечивалась, как сквозь рентгеновский снимок, бледная роговая оболочка.

— Мне бы секретаря, — сказал он безразлично и вытащил из жилетного кармана маленький клочек бумаги.

— Что угодно?

— Хочу подписаться, — сказал молодой человек отсыревшим от скуки голосом, — вот видите это об'явление?

Секретарь вскинул на свет бумаженку, словно хотел проверить наличность водяных знаков, и стал читать:

> Гр. АКУЛИНА КОЛОБОВА, происходящая из граждан г. Саратова, проживающая Салтыковка Ниж. ж. д. Октябрьская улица, д. 42, меняет имя АКУЛИНА на ИННУ. Лиц, имеющих препятствия к перемене имени, прошу сообщить в Мосгуббюро.

— Ага! — произнес, успокоившись, секретарь, — стало быть, вы хотите, чтобы мы вам посылали все такие вырезки.

— Ну да, — сказал молодой человек.

— Вам столичные только или также провинциальные?

— Пожалуйста, все. Сколько платить?

Молодой человек повозился с минуту у кассы и исчез.

— Боже, какая скука, — вздохнул секретарь, полу-искренне и полу-театрально зевая, — восемь человек за один месяц!

Я сидел рядом с ним и недоумевал. Секретарь посмотрел на меня опустошенными глазами всезнайки и спросил:

— Вас это удивляет?

— Очень.

— Эх, голубчик, — устало сказал секретарь, — посидели бы вы со мной здесь недельки две и попробовали бы тогда удивляться. Да знаете ли вы, что к нам приходят люди, заказывающие только заголовки статей или апострофы, один старичек просил присылать ему все заметки об алиментах. У нас есть один подписчик, это средних лет дама, она заказала свою фамилию.

— То-есть, как?

— Ну, встретится, скажем, где-нибудь ее фамилия, она литератор и хочет иметь все рецензии о себе. Только вот уже третий год, как мы послали ей только анонс одного журнала. Среди прочих сотрудников была указана и ее фамилия.

— Ну, и как? Довольна была?

— Какое! — Там фамилию перепутали. Вместо «Варковицкая» напечатали «Вержбицкая», а потом оказалось, что это совсем другой автор.

— Ну, а этот, с Акулиной?

— Это жулик! Думает деньжонку зашибить. Да шиш получит. Конкуренция!

И секретарь рассказал мне следующее:

— Этот вялый молодой человек — восьмой по счету и один из тех, кто прочитав в газете об'явление о перемене имени или фамилии и о лицах, имеющих препятствие, садятся немедленно за стол и пишут:

«В ЗАГС города П... или С... Сообщаю, что имею препятствие. О причинах изложу особо».

Потом такой молодчик отправляет на имя заинтересованного адресата такое же письмо. Письмо это без марки.

«К сожалению,—пишет он,— имею препятствие. Впрочем, здесь возможна ошибка. Благоволите сообщить причины, побудившие вас на такой поступок, т.-е. на перемену столь благозвучной (без комплимента) вашей фамилии. Благоволите также прислать три восьмикопеечных марки для пересылки на ваш адрес раз'ясняющих документов. С почтением преданный вам...».

Такой молодчик живет на марки, которые присылают с разных концов страны чудаки, алчущие переменить свои фамилии и имена.

— На одного, пожалуй, хватило-бы, но их развелось восемь человек. Впрочем...

— В прочем, — добавил, садистически улыбаясь, секретарь, — двое уже сидят в допре. Вырезки, которые мы им посылаем, возвращаются обратно за ненахождением адресата. Ясно, как блин.

С. Гехт

ТЯЖЕЛОЕ ПОПРИЩЕ

Рисунки Н. Радлова

Отчего вы не пишете в женских журналах? — спросила меня Александра Николаевна.

— А какая тема вас интересует?

— Глупый вопрос! В женском журнале самое интересное — это моды. Написали бы вы очерк о последних парижских туалетах, о прическах, о педикюре, о мушках, о модном белье.

Я обещал. А через час я встретил Нину Павловну.

— Удивляюсь вам! — сказала она. — Пишете какие-то небылицы, в то время, как могли бы работать в женском журнале!

— Но о чем писать?

— Не о тряпках, конечно! О серьезных вещах: очерк для домхозяйки. Домашние советы, здоровье матери, уход за ребенком! Господи! Мало ли тем для талантливого литератора?

Попрощались. А дома ко мне обратилась жиличка - женотдельша:

— Обязательно пошлите в жен-журнал очерк о прежнем и нынешнем положении женщины на Востоке.

И не успел я пообещать, что исполню ее просьбу, как в комнату вошла домработница Паша:

— Неужто, окромя щец да каклет, ничего другого стряпать не придется? Ась? Вот, сказывают, теперь цельные поварские школы пооткрывали, а у нас все щи да щи! Раз вы есть описатель, вы бы хотя описали, чего в этих школах стряпают-то. Надо и о нашей сестре подумать, вот что!

Это был последний удар! Ладно!.. Нате!.. Оптом! Всем сестрам по серьгам.

Я сел за стол и начал писать:

ТЕ И ЭТИ.

(Ажурно-питательно-медико-классовый очерк)

> *...Курица — это птица!*
> *Женщина — это человек!*
> Том. V. Гл. III. 15 стр. Св. изд. 19XX г.

В 1916 году я впервые увидел в Самарканде женщин, облаченных в паранджи и закрытых чачваном. Я вздрогнул в ужасе от этих макетов смерти. Да, до Октября узбечки носили эти две эмблемы рабства, напяленные на них Магометом. Узбечка была затворницей ичкари и, окруженная дувалами, не смела мечтать о воле. Теперь не то!

В то время, как буржуазные парижанки кокетничают в 1928 году в откровенных платьях (см. рис. № 1 — черный бархат, отделка шеншиль, надевается сверх розового комбине, рис. 2), уродуют природные ноги неудобной обувью (см. рис. № 3, шевро беж с зол. перепл.) и с тупым упорством надевают крикливые шляпки (см. рис. № 4 фасон «aviateur» с отворот.), обесцвечивают свои волосы варварским составом «Нуво-Гры» (ц. фл. 80 фр. пошлина, см. рис. № 5 — 3 р. 70 к.), насилуют естественный цвет ногтей черным лаком «Макабр» (ц. фл. 64 фр., пошлина 2 р. 50 к.) и мушками на спине, пробуют оживить проклятое время развратных Людовиков, — в эти дни узбечка, на ряду с прочими женщинами нашего союза, строит новую жизнь.

Наши женщины раскрепощены от плиты густой сетью общественных столовых. Им не нужно в чаду кухонь обдумывать меню, что на первое, что на второе. Они далеки от самоличного приготовления крема с шампиньонами (800 гр. мяса, 400 гр. шампиньон, две ложки масла, варить в закрытой посуде) и от жигомутон (нашпиговать баранью ногу кусками сала и, свернув в круг, связать, затем жарить).

Да! Далеко ушла наша женщина от ее бедной западной сестры. Она не будет, как та, носить узкий лиф (рис. № 6 — сзади на лентах), ибо последствия от него ужасны. Она знает, что ее здоровье — это здоровье ее ребенка, которому не нужно давать игрушек, окрашенных в ядовитые цвета и покрытых ржавчиной.

Кстати, о последней. Как вывести ржавые пятна на белье?

Очень просто: белье надо пропитать лимонным соком и, продержав его под паром, прополоскать затем в горячей воде.

Итак, женщина, побольше раскрепощения и самокритики!

Очерк мне очень понравился. Мысленно видел я четыре пары благодарных глаз, но, увы...

Редактор женского журнала «Бодрая пудра», прочитав рукопись, сказал:

— Да! В вашем очерке чувствуется влияние женщины!

— Не одной, а четырех! — гордо ответил я.

— Нет, именно одной, той самой нянькн, что вас уронила в детстве...

Вот и угождайте после этого женщинам! Потерянное время!

И. Матвеев

КАМЕНЩИК

Каменщик, каменщик, в фартуке белом!
Что ты там строишь, кому?
— Строим—строителю... В общем и целом...
«Камеру» строим ему...

— Каменщик, каменщик, с верной лапатой,
Как это надо понять?!
— Жилил, подлец, с матерьялом, зарплатой,
Ну, и пора «припаять».

— Каменщик, понял! Засыпался «малый»?..
Стало быть, — лес, кирпичи?..
— Ясно! Воруй, разживайся, пожалуй,
Да уж потом не взыщи...

— Каменщик, правильно! В долгие ночи
Пусть поразмыслит о том...
— Определенно. На то и рабочий
Строит ему исправдом.

Д. Цензор

МЕДИЦИНСКИЕ МЫСЛИ

1. Приговором суда всякая акушерка может быть превращена в сиделку.
2. Кооп. снабжение похоже на тиф: сперва горячка, потом кризис!
3. Наиболее распространенный режим в санаториях — это режим экономии!
4. Не думай, что чеховская палата № 6, — это палата лордов. В последней чаще страдают манией преследования.
5. Ресторанное блюдо «почки по-русски» — это не почки, пропитанные водкой.
6. Рукопожатиями передается не только зараза, но и гонорар санитарному врачу.
7. Венерологи заговаривают зубы не хуже зубных врачей.
8. Не думай, что расширение сердца прямо пропорционально количеству личных секретарш!
9. И у лойяльных людей бывает белая горячка!!
10. Рентген необходим при самокритике: ведь благодаря рентгеновским лучам видишь человека насквозь.

Эмков

Ясно и жарко. Редкий день, по нынешним летним временам. Служащие заводоуправления томительно поглядывали то в окна, то на часы: скоро можно выкатиться из конторы, помучиться в трамваях и автобусах, слегка приблизиться к смерти от удушья в поезде и, наконец, попасть на дачу. Можно даже выкупаться будет в мутных остатках воды и, вообще, отдохнуть.

— Приеду, — сейчас пиво холодного из погреба... Потом умоюсь и обедать... А после обеда — в гамак...

— Я грибы пойду искать... У нас целая компания... Прямо с поезда — в лес...

— Успею еще несколько сэтов в теннис сыграть...

Ближе и ближе стрелка к радостному часу, жарче и жарче мечты.

Из комнаты заводоуправленческого вождя — резкий звонок. Курьер туда — пулей, оттуда — стрелой:

— Завкома зовут! — шумнул он на ходу лениво любопытствующим мечтателям.

Завком Сережка, с независимым видом одергивая полотняную толстовку и слегка прибавляя по мере приближения к кабинету шаги, прорысил между столами служащих.

— Здорово, Петр Андреевич. Звал?!

— Здорово, Сергей! Звал! Вот, в чем дело. Из треста звонили,— к нам сегодня на производственное придут...

— Разве сегодня — производственное? — поднял одну бровь Сергей.

— Эх ты, завком! Сказано — по пятницам! Вот я тебя и позвал... Понимаешь?! Чтоб состоялось!

— В такую погоду-то?! Да ты что?!

— Из треста же едут люди и в такую погоду. Понимаешь, из треста. Самокритикой интересуются, предложениями и вообще. Надо, говорят, оживить производственные собрания...

— Попробуй, оживи! Когда у нас последнее-то было?! В апреле?! А то все не состаивались... А ты говоришь — оживить! И время к шабашу подходит, — разве рабочих оповестишь теперь?!

— Это, брат, дело завкома. Не могу же я по административной линии. Служащих притяни, что ли... Сам приходи обязательно, из завкома захвати ребят с предложениями. Понял?! Главное, чтоб состоялось. Иди, брат, оживляй...

Сережка поднял обе брови:

— Да как же я...

— Иди, иди, — времени-то немного!

Сережка опустил брови, махнул рукой, сделал вдумчивое лицо и вышел...

— Погодка-то сегодня, Сергей Иванович?! — обратился к нему счетовод Попрыгин, мечтавший о пиве.

— Нам погода не мешает, товарищ Попрыгин! — сурово сказал Сергей: — мы во всякую погоду работать можем!

— Еще-б такая помешала! — обрадовалась счетовод Леночка, рассчитывающая на теннис: — в такую-то погоду...

— В такую погоду, как вам известно, — подчеркнул последние слова завком, — у нас производственное совещание сегодня!

— Придумали тоже — производственное совещание! — миролюбиво протянул Прошин: — кто же к вам пойдет на производственное совещание в такую погоду?!

— Интересующие производством пойдут, товарищ Прошин! Вот, кто пойдет. Мы, конечно, никого насильно не тянем, но...

❦

По конторе пробежал легкий холодок. Попрыгин даже выглянул в окно, — не набежала ли тучка. Завком молча поглядывал на всех по очереди. Наконец, угрожающе кашлянул:

— Конечно, никого не тянем, но... Поимейте в виду, товарищи, что время самокритическое. И если вы нас должны критиковать, то и мы на вас обращаем особенное внимание... Нам дороги служащие, интересы которых близки к интересам производства, которые сознательно втягиваются в строительство... Однако, есть и такие, которые по-чиновнически, бюрократически... Поимейте это в виду, тем более, что и мы с Петром Андреевичем их в виду поимеем: нам такие служащие не нужны... Мы в порядке самокритики будем держать таких, которые производством интересуются и доказывают этот интерес к производству на деле, а не от сих до сих...

Часы гулко отбивали удары, обозначающие конец занятий. Служащие сидели неподвижно, чуть дыша.

— Так что, товарищи, мы, конечно, никого насильно не тянем, но кто интересуется, — пожалуйте на производственное совещание. Начнем через полчасика...

Нахально смеялось желтое солнце над желтыми от тоски лицами служащих конторы, собравшихся на производственное совещание.

❦

Ждали час, ждали второй. Петр Андреевич раза два ходил к телефону. Солнце покраснело от смеха и, устав хохотать, закатывалось в еле видные края тучи.

— Не приедут. Сейчас звонили! — торопливо доложил завком Петру Андреевичу.

— Вот и прекрасно. Распусти собрание! Ну, пока. Хочешь, подвезу?!

Служащие расходились тихо, не торопясь...

Вл. Павлов

НАШИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Рис. А. Радакова

— **Вот знаменитые вулканы, из них один действующий.**
— **Какая разруха!!! Что бы стоило и остальные пустить?**

ОДНО К ОДНОМУ.

— Мой двоюродный брат — это прямо работник связи...

— ?!

— Сначала он обзаводится связями, потом работой.

СИЛА

У Мерцаловой была сумочка с серебряной дощечкой.

На дощечке вилась резаная почтительная надпись:

«Дорогой Марии Ивановне Мерцаловой от благодарных сослуживцев».

Незаметная Мария Ивановна временами бывала силой и безбоязненно ходила ругаться с самыми высокими начальниками.

— Ее сократить не могут! — говорили с уважением сослуживцы. — Ей все, как с гуся вода! А когда в первобытное состояние вернется, наскоки быльем порастут!

— Хорошо, что мы ее в местком выбрали! — добавляли другие. — Она постоит за нас!

— Мария Ивановна! Миленькая! — ныл бухгалтер: детина под потолок. — Сходите, голубушка, к нашему заву. Он мне совсем несправедливо все сверхурочные срезал. А я на них во-о как расчитывал.

— Ды вы бы сами сперва сходили.

— Золотая! Боюсь! Что я герой, что ли? Всего-то одну войну только провел. Вам же, голубушка, они ни черта сделать не могут. Вы, как еж, вас голыми руками не бери. Под защитой закона находитесь!

— Мариванна! — бубнила старуха уборщица. — Похлопочи мне насчет халата... А уж, как сын у тебе родится, я ему свивальничек сошью.

— Да, может, у меня дочка будет! — улыбнулась Мария Ивановна. — У меня три сына есть, дочку хочу.

— Ну, дочка, так дочка. Дочка еще лучше, не такая озорная... Так исхлопочи, а то я в своей одеженке-ж работаю.

— Ладно! Сейчас пойду проберу их.

После одного самокритического собрания даже начальник взбеленился.

— Сергеев! — сказал он секретарю. — Нельзя ли нам эту бабу убрать? Просто кроет и кроет без зазрения совести.

— Мерцалову? Никак нельзя, Феоктист Иванович! Согласно декрета, четыре месяца до, четыре после родов, сокращать нельзя.

Сегодня служащие ходят хмурые и тоскливые.

— У Марии Ивановны бебешка славная растет! — говорит кто-то. — Все уа, уа кричит.

— Скоро и вы уа закричите! — огрызнулся бухгалтер. — Несчастные мужчины! Любого из вас в один счет рационализнуть можно!

— Известно, мужчина — создание слабое! — пристегнулся сочувственно счетовод с усами...

В. Тоболяков

СВЕТЛАЯ СТОРОНА

Рис. Б. Малаховского

— Эх, хорошо было у нас на даче, когда бандитизм был...
— А что?
— Гостей из города не было...

ЗА БОРТОМ

Иван Карлович Задрига, коммерческий агент райметалла, сидит в гостях у своего приятеля, конторщика Крюкова.

Приятели только что отобедали. Задрига наливает себе пива, густо солит его и возвращается к начатому разговору.

— Вы, Андрей Ильич, как хотите, а только завидно мне на вас, беспартийных, глядеть...

— Это через почему «завидно»? — переспрашивает Крюков.

— А потому и завидно, что завидно... Вы вот рассудите в серьез, кто я? Скажете: партийный, коммунист. И верно. Партийный я, действительно, в 25 году в партию вступил, да год еще в кандидатах проходил. Однако, по - вашему, партбилет — это все, а по-моему— один голый предрассудок и не более. Да вы вот на что поглядите. Кто я есть в рассуждении службы? Никто, мелкая сошка, четырнадцатый разряд и притом без всякой нагрузки. Вот вам и партийный, вот вам и партбилет. Конечно, будь я какой-нибудь вождь или ответственный работник, — совсем иной разговор шел бы. А так, — спросите в губкоме, кто такой Задрига? Вам и скажут: — Не знаем мы никакого Задриги. В райметалле и то в правлении не знают...

— Ну и что с того, что не знают? — вяло перебивает Крюков.

— А то, что это самое главное. Не на виду я, в полном мраке неизвестности нахожусь... Нет уж, о себе прямо скажу: есть я рядовая партийная масса, не более. А, между прочим, обязанности. Четверг, например. Для вас, Андрей Ильич, беспартийный день такой же, как для меня, скажем, пятница. Вы себе службу кончили, стол закрыли и домой. А неохота домой — в пивную. Мало ли куда? А мне—на собрание, мне, имейте в виду, больше одного коллектива в полгода не пропустить. Да, тяжелая, знаете, Андрей Ильич, вещь — партийная дисциплина.

Задрига залпом опоражнивает стакан и продолжает:

— Или, например, политграмота... Вам, Андрей Ильич, что?.. Можно сказать, ничего, ноль внимания... Пришла, допустим, охота, взяли себе заграничный роман или «Вечорку», легли и почитываете... А не охота — в кино пошли. А мне, имейте в виду, вовсе наоборот. Историю партии, скажем, учи, Интернационал — учи, план Дауэса — учи... А до чего трудно... Ходишь иной раз, уши заткнешь, зубришь, как проклятый, и будто поймешь уже, что мануфактура, дескать, и не ситец, и не сукно вовсе, а исторический период, — а как спросят, обязательно спутаешь. Или которая там меновая ценность, а которая—нет... Нет уж, Андрей Ильич, иной раз подумаешь, завидно станет...

— Насчет политграмоты, Иван Карлыч, это вы ах оставьте — оживляется Крюков, — политграмоту нынче и с беспартийных спрашивают.

— Да что политграмота, — говорит Задрига, — не об этом речь. Вы другое возьмите... Например, вы. Кто вы? Беспартийная свободная личность. А кто я? Подневольный член, вроде как-бы крепостной или монах. Ну, хоть бы то. Есть у меня золотые часы с цепкой. Поверьте, третий год в комоде лежат — боюсь носить... Или хочу я, например, в ресторан сходить. Вам можно... А мне — нельзя. То-есть, официально, вроде того, что можно. А сходишь — скажут, что разложился... Да... Не веселая, знаете, жизнь... Или вот что.... Вы, Андрей Ильич, как поступили себе беспартийным, так беспартийным и служите. А меня, ежели из партии выключат, так я человек конченый. Дескать, бывший партийный, как на него полагаться? Вот и живу в страхе... Право, ночей иногда не сплю... Все думаю и боюсь: — а вдруг выключат. И то сказать, выключить очень даже свободно могут... Кто я им? — Никто, называемый балласт, чуждый элемент и притом без полного политического самосознания... Эх, — вздыхает Задрига, — вот вам и партийная жизнь.

— Нет, нет, Иван Карлыч,—возражает Крюков,—насчет зависти вы зря. Не туда, извините, пальцем попали. Ежели уж и завидовать, то только не мне. Сами судите. Кто вы и кто я? Я, — как-никак, четыре класса окончил, в царское время в лесном управлении служил. Положение все-таки занимал, а сейчас абсолютный ноль. Конторщик и только. А вы? Я уж вам прямо скажу, хоть обижайтесь, хоть нет... Вам бы при старом режиме сторожем быть, вот кем... А почему? Цивилизации в вас никакой... Я ведь, Иван Карлыч, знаю, вы и фамилию свою подписываете с трудом. Чего говорить. Четырнадцатый разряд тоже не кот наплакал. Коммерческим агентом тоже не всякого назначат. А вас, извиняюсь, назначили. Как же, партийный, — не в сторожа же его...

— Ну, уж касательно сторожа вы не загибайте! — обижается Задрига.

— Чего там не загибать? Вы по чести скажите: будь у меня ваш билет, сидел бы я на восьмом разряде или не сидел? Безусловно, нет. А так, что же. Им и дела до того нет, что я в душе хоть вас, или другого много партийнее. Они вас на место посадят, а не меня. А вы говорите завидно. Да завидовать-то чему? Вы, Иван Карлыч, насчет ресторана выразились. А вы спросите, могу ли я в ресторан пойти или не могу? Да на какие шиши? На папиросы, и то нехватает. А что часы золотые могу носить,— так часы эти в прошлом году еще продал. А вы говорите — завидно. Нет, Иван Карлыч, зря вы это. Уж если завидовать, то не вам мне, а наоборот. Вы службу возьмите. Сами знаете, время какое сократительное. Сегодня, глядишь, улучшение продукции — сокращают. Завтра, смотришь, — режим экономии, — опять сокращают. Борьба с бюрократизмом — опять же сокращают. А кого? Вас, что-ли? Как бы не так! Безусловно, меня, Дудкина, беспартийного, Сукман —беспартийную, — а не вас. Вас не тронут. Понятно, ежели из партии выключат. Ну, так это, знаете, риск.

— Погляжу я, и что вы из-под себя думаете, — сердится Задрига, —воображаете о себе чересчур. А в мою партийную жизнь опять же и не вникаете... А ежели разобраться...

**

Спор начинается снова и продолжается до бесконечности. Мальчишка — племянник Крюкова — посылается наискосок за пивом. Приятели опоражнивают бутылку за бутылкой, медленно пьянеют и нудно спорят об одном и том же.

Снова посылают за пивом, снова возвращаются к уже пьяному и путаному разговору и так и не могут решить кому из них лучше живется.

И нет никого, кто бы сказал им, что оба они — и беспартийный коммунист, и партийный обыватель — одного поля ягода, что никому из них завидовать не приходится, что они оба — за бортом настоящей доподлинной жизни, что оба они, наконец, только мусор, без которого не строится здание.

И. Свэн.

В НОВОМ ДОМЕ

Рис. К. Ротова

Комната с водой и электричеством.

МАЛЕНЬКОЕ «НО»

— Нашему кооператору немного нехватает, чтобы быть образцовым.

— Чего именно?

— Пяти тысяч в кассе нехватает.

ЖЕРТВА СТРОИТЕЛЬСТВА

— Федора Петровича нашли мертвым в реке...

— Разочаровался в жизни?

— Нет! Первым прошел по новому мосту в день открытия.

ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ

Ответработник Сапожков приехал в двадцать первом году секретарем уисполкома. Был он тогда подвижный, худощавый в кавалерийской шинели и заломленной на бок кубанке.

Дневал и ночевал в исполкоме, а вечерами всегда пропадал в клубе, играя на сцене сухопарых комиссаров, ответработников и подпольщиков.

Но особенно ему удавалась роль Хлестакова в «Ревизоре». Он, например, так ярко изображал во 2 акте муки голодного Хлестакова с такой, из-под сердца рвущейся, радостью встречал последний раз поданный трактирщиком обед, что весь зал не мог не аплодировать ему.

— Действительно, изголодался парень — смеялись зрители. — Ишь, как кричит: «Несут, несут!» Видать, живот подвело, слопаешь и щи из топора!

Время шло.

Как-то режиссер и руковод теакружка, взяв Сапожкова за пуговицу, предложил:

— Милый, дорогой! У вас такое широкое дарование, а вы замкнулись в узком круге ролей. Попробуйте сыграть нам полковника Жукова из «Заговора»? Все сценические данные для этого у вас есть.

— Попробуем! — баском согласился Сапожков.

— Вот спасибо! Итак, поздравляем вас с производством в полковники! Хе, хе, хе!

Прошло еще три года. За это время заново отремонтировали клуб, а над сценой написали большую ленту со словами: «Жизнь—коротка, а искусство — вечно». В театральных программах, печатаемых на машинке, значилось:

> «Деревенская быль»
> Драма.
> Поп Сергей . . . исполнит
> т. Сапожков.

В тысяча девятьсот двадцать шестом году товарищ Сапожков отпраздновал свой 5-летний юбилей. В больших афишах, пока что не съеденных местными козами, красным по белому сообщалось:

> 5-летний юбилей почетного
> члена теакружка
> товарища Сапожкова.
> Пойдет «Воздушный пирог».
> Роль директора банка исполнит
> юбиляр.

...Вчера в теакружке решили возобновить «Ревизора». Режиссер, взяв товарища Сапожкова за пуговицу, сказал:

— Милуша, дорогуша! Возобновляем «Ревизора». Уж вы не откажитесь. Тем более, ремарки все знакомы. Помните, как играли!

— Что-ж! — согласился Сапожков. — Я могу Хлестакова сыграть!

— Вы? Хлестакова?! — засмеялся режиссер. — Ну, батенька, это же будет не Хлестаков, а шарж. Куда вы свои телеса денете?.. Нет, вам по фигуре и по положению принадлежит роль Сквозник - Дмухановского.

— Городничего?

— Да-с! Вы-ж и видимостью в него вышли, и лицом, и солидностью.

— Да что вы мне все солидностью тычете? Уж будто я такой толстый?

Режиссер вместо ответа подвел секретаря уисполкома к зеркалу. Оно не вместило всей его крупной фигуры, и сапожковские плечи вылезли за зеркальную раму. Сапожков посмотрел на свой толстый живот, вытер лысину и вздохнул:

— Вот она, — чортова спокойная жизнь до чего довела? А?.. Ну, давайте уж, коли так, городничего...

Самокритик

ТЕНЬ СХОДСТВА

Рис. Н. Денисовского

— Знаете, дорогая, мне паруса напоминают некоторых наших хозяйственников: их надо сначала хорошенько надуть, чтобы они зашевелились!

ПРИВЫЧКА

Чуть-ли не девять лет подряд он работал в кооперации. Сначала — скромным приказчиком; позже—заведующим магазином.

Но все эти годы он оставался верным себе. Мелкий лавочник в прошлом, начисто ограбленный революцией, он ненавидел и ее, и все, так или иначе с ней связанное. Когда-то, еще в годы военного коммунизма, он получал почти физическое наслаждение, отпуская червивую, вонючую воблу и мокрый, смешанный с соломой и всякой дрянью, хлеб.

— Так им и надо!—злорадно шептал он и вдруг, ни с того, ни с сего, придирался к какой-то неточности в карточке.

Позже он с тем же упоением хамил с покупателями.

Он был труслив и воровал мыло. Но ни разу ни одной малейшей возможности «законно» напакостить злополучному потребителю он не упустил. Он и сам не отдавал себе ясного отчета почему, но в лице каждого вошедшего в магазин он видел врага, видел одного из тех, которые отобрали у него и тесовый дом с палисадником, и доходную лавченку на углу, и две тысячи, годами и по десяткам накопленные в банке.

Не изменил он своего отношения к окружающему, сделавшись заведующим магазином.

Ни любви, ни интереса к делу, которое он вел, он не чувствовал.

Но случилось так, что из кооперации его в конце-концов, выгнали. Он просидел месяц, и, так как достаточных улик не было, его выпустили. Потеря службы его не особенно огорчала. Кое-что, вполне достаточное для начала, было скоплено, и он решил вернуться к старому делу, о котором в глубине души он никогда не переставал мечтать.

Он снял и отремонтировал свое же бывшее помещение, он тщательно и любовно восстановил все мелочи вплоть до вывески того же неистово-синего цвета с чудовищными дынями, колбасами и калачами на ней.

Он начал торговать. Но ровно через два месяца от всех его сбережений не осталось ничего, и он неожиданно для себя катастрофически прогорел.

Его погубила привычка. За девять лет он окончательно разучился работать и торговать.

О. Бандура

ТОЛСТОКОЖИЕ

— Поедем в Зоопарк, — сказал умный старик Собакин,—там славные шашлыки.

И мы поехали в Зоопарк, ибо кто может спорить со стариком Собакиным?

— Пойдем к слону, — сказал умный Собакин, — невозможно не приметить слона.

И мы пошли к слону, ибо кто может спорить со стариком Собакиным?

На одном дереве была прибита доска, и на доске была надпись: «Путь к слону».

Ведомые стариком Собакиным, мы пришли к слону. Слон запасался на черный день сахаром и булками стандартовой выпечки.

— Все в порядке: — сказал старик Собакин, — напротив в ванной живет бегемот.

И мы пошли к бегемоту. Бассейн бегемота был пуст. Из бассейна выпустили воду. В зеленоватой луже на дне лежала мокрая газета. В десяти метрах от бегемотовой ванны оплывшей бурой горой лежал сам бегемот.

— Вы читали газету?—спросил нас Собакин,—нет, вы не читали газеты. Не хорошо. Надо быть в курсе.

Он сделал знак сторожу, и сторож достал багром газету. На четвертой странице синим карандашом была отмечена заметка «Обследование Зоопарка».

— Он читает газету. Раз бегемот читает, — бегемот может говорить!—сказал мудрый Собакин и подошел к бегемоту.

— Гражданин,—сказал Собакин,—вам скучно?

— Я голоден, — мрачно сказал бегемот.—Я просто голоден. Затем мне жарко.

— Почему же вы голодны? Почему вам жарко?

— Я на летнем выгуле!—еще мрачнее сказал бегемот.

Разговорчивое животное вздохнуло, и нам показалось, что вдруг сорвался шквал. Но шквал унялся, и бегемот продолжал:

— Я не знаю фамилии товарища, заведующего отделом, но он ответственный товарищ. Вчера он подошел к моему бассейну и сказал: «Почему он не на летнем выгуле? Я его выведу на свежую воду». Это он про меня. «Лучше его не трогать»,—сказал другой гражданин, который мне был известен, как ветеринар—«лучше его не трогать, он заскучает и перестанет есть. Он же толстокожий». «Надо согласовать», — сказал первый,—чем он хуже других, все на летнем выгуле—надо и ему. Нельзя отрываться от масс». «Но я, как ветеринар», — начал второй. «Прекратите бузу»,—сказал первый,—«что такое ветеринар, я сам вылечил мою Марусю от ячменя на глазу!». «Знаете, вы, действительно, зоологический тип» — сказал второй. Они ушли и, как видите, мне жарко, и я голоден. Ночью я пожаловался слону. Он умный, он живет сто лет. «Надо согласовать» — сказал слон. — «Заведующий еще не согласовал с отделами. Конечно, ты можешь написать в стенгазету, но лучше подожди инспектора Эмкахи. Лев живет хуже тебя, тигр и пантера тоже. Им очень тесно. Они хотят добавочную площадь, хотя бы такую как у любого члена Цекубу». Однако, зав сказал: «Мой тесть имеет шестнадцать квадратных аршин и ничего, живет, а чем он хуже тигра или льва?» Кстати, его тоже зовут Лев. А вы спрашиваете, почему мне скучно.

— Надо обратиться к общественности!—решил умный Собакин. — Например, птицы. У них голос, к ним прислушиваются массы, наконец, их даже слушают по радио. Советую вам сигнализировать об опасности через птиц.

— Не говорите мне о птицах, — сказал бегемот. — Они здесь мрут от туберкулеза, как Виолета в «Травиате». Их надо в тубинститут, или лучше сразу в крематорий. Кстати о радио. Вы же знаете—нас передают по радио. Но не каждый хочет передаваться. Медведь, или кто нибудь другой, ночью хочет спать, как вы или я.

— Однако, я сам слышал, — сказал кто-то из нас, — звери очень хорошо рычат по радио.

— Да, они рычат. А если вас специально не кормить двое суток и затем сунуть вам под нос радио, вы не зарычите? Может быть, вы не верите—прочтите.— И бегемот подмигнул на газету.—Кстати, вот он сам, вот он идет. Вы, как хотите, а мне противно.

Гора перевернулась на правый бок и повернулась неудобоназываемом местом к человеку в толстовке, который, бодро помахивая портфельчиком, шел прямо к нам.

— Вот,—сказал человек, покосившись на газету.—Извольте видеть. Тут, можно сказать, трудишься, не покладая рук, а они на нас критику. Я, дорогие мои, целой канцелярией управлял, а не то что зверями. У меня, дорогие товарищи, двадцать три пишмашинистки под началом было, не считая делопроизводителей и курьеров. Тоже критика! Раз ты бегемот, раз ты толстокожий! Во всем должен быть порядок! Ежели лето—живи по летнему. Мне самому, небось, на Перловке по такой погоде жить—нож острый. А живу. «Толстокожий». Какой он толстокожий, из-за него сразу в газету. Ну, мы тоже не лыком шиты. Нас тоже покамест с управделами сняли, рабкоры три стопы исписали. А снимут—опять по сырью или там текстилю пойдем. Нам—что... Нам лишь бы путевку и штат. Без нас, как без рук. Мы вам не ветеринары. Мы бойнями заведовали. Что-о? Бюрократизм? Жалуйтесь. Куда хочете, — жалуйтесь! «Толстокожий». А вот посмотрим, кто толстокожее!

И он ушел, помахивая портфельчиком. Карандаши и ручки торчали у него из карманов, как штыки.

— Жалуйтесь в Эмкаху,—сказал умный Собакин.—Хотя сомневаюсь. Они заняты. Они фонтаны ставят. Знаете, такой изящный фонтанчик. Скульптура Ин. Жукова: октябренок, а из октябренка бьет струйкой вода... Ну, что ж, пошли.

— Виноват—промычал, поворачиваясь, бегемот — как же мне?.. Может, в профсоюз? Ну, птицы певчие могут по рабису числиться, слон, как никак, транспортник, а я то, а мне же куда?..

Мы ушли в буфет. Через двадцать минут мы ели шашлык.

— Знаете ли, что? — сказал вдруг Собакин,—знаете ли что, а вдруг этот шашлык—из старой зебры, или скажем из молодого гну?

Л. Никулин

РАБОТА ПО НОТУ

Рис. Кукрыниксы

ПОСЕТИТЕЛЬ: — Чего же это вы вместе с обедом жалобную книгу тащите?

ОФИЦИАНТ: — А это, чтобы два раза не ходить.

СРЕДИ ШОФФЕРОВ

— И большую скорость развить можете?

— Шесть человек и три собаки в час.

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

«За рощами, за селами, у ив склонилась ниц зеленая, веселая вода самоубийц», — захлебывается на страницах «Комсомольской Правды» (№ 83) поэт Анатолий Борохович:

Наощупь все просеяно
И ждет вода, звеня.
Она взяла Есенина,
Но не возьмет меня!

И хорошо сделает, что не возьмет:

В стихах А. Бороховича столько воды, что соединение последней с «водой самоубийц» даст в результате грандиозное наводнение, которое может причинить окрестным рощам и селам неисчислимые бедствия...

*

В номере 32-м «Жизни Искусства» Р. Пикель в числе мещанских песен, отличающихся своей «антихудожественной дрянностью», приводит между прочим следующую:

Под вечер осени ненастной
В пустынных дева шла местах
И тайный плод любви несчастной
Держала в трепетных руках
и т. д.

«Этот «репертуар», — заявляет Р. Пикель, — взят мною из сборника московского хора, выступавшего с ним в 1928 году».

Зачем брать из сборника московского хора то, что имеется в любом собрании сочинений небезызвестного поэта А. С. Пушкина?

Р. Пикель много поработал над оздоровлением эстрады.

Не мешает также оздоровить и нашу критику, для которой стихи Пушкина — «антихудожественная дрянность»!..

*

В заключение, — в поряде *самокритики,* — автотаракан:

В рассказе Леонида Саянского «Горький смех», помещенном в 27-ом номере «Смехача», сказано:

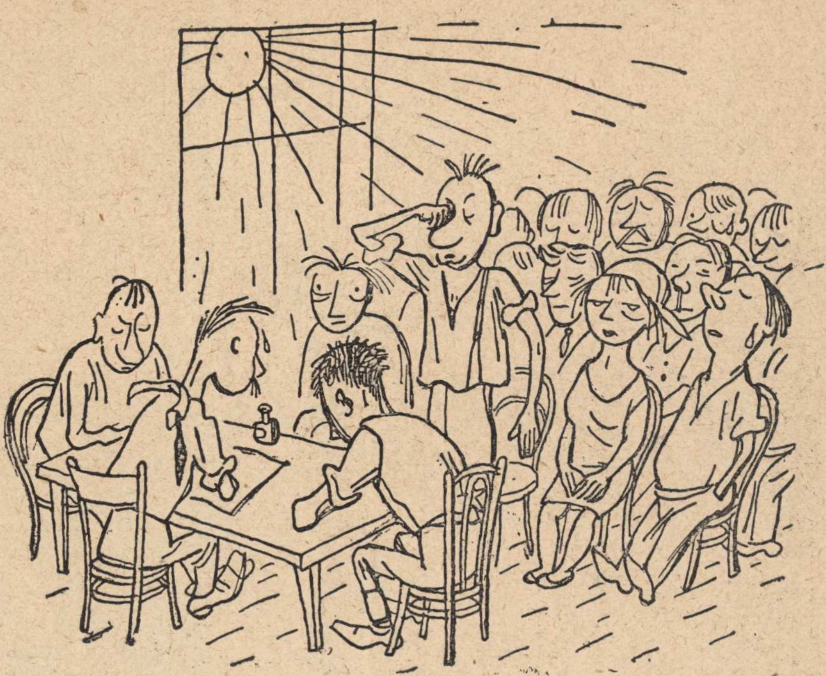
Нету Гоголя с нами. Но «кувшиные и свиные рыла» из «Мертвых душ» еще живы.

В *«Мертвых душах»* имеется целая галлерея рыл, но среди них не встречается ни одного «Кувшиного».

На этот раз, обычно точный в цитатах, наш талантливый сотрудник совершил ошибку: он сунулся с голевским «Кувшиным Рылом» да не в тот ряд...

ЛЕТНЕЕ ГОЛОСОВАНИЕ

Рис Б. М.

— Вам что? К порядку заседания?
— Да. Я хотел бы узнать, какому вопросу была посвящена та резолюция, за которую мы только что сейчас голосовали?

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

ПОСЛЕДНЯЯ НОВОСТЬ

Газета «Красноярский Рабочий» (№ 129) под заголовком «Искусственное оплодотворение» пишет:

Для бедняков в первую очередь и, вообще, для всего населения искусственное оплодотворение производится бесплатно.

Любопытно, а как сотрудники «Красноярского Рабочего» попадут в первую очередь, или наравне с остальным населением?

ШИРОКИЙ РАЗМАХ

Сообщают такой факт:

Управляющий Северо-Кавказской краевой конторой Госбанка занял для своей семьи из трех человек восемь комнат.

Бедные жители Северного Кавказа! Куда они денутся, ежели у управляющего через каждые 9 месяцев будет увеличиваться семейство?

НЕЛЬЗЯ ЛИ ПОКОРОЧЕ?

Рабкор пишет:

Повестка дня заседания месткома и бюро торговой секции казанского рабочего кооператива содержит 19 вопросов.

До чего скромные работники в казанском рабкооперативе,—«повестку месяца» называют «повесткой дня»!

РОСКОШНАЯ ЖИЗНЬ

Иваново-Вознесенский рабкор жалуется:

Нарследователь Вичужского района, тов. Колесов, пьянствует и в пьяном виде прекращает дела без всякого основания. Напивается нарследователь преимущественно в уборной, а потом валяется в своем кабинете.

Можно сказать, человек живет со всеми удобствами: хочешь— валяйся в уборной, хочешь—прохлаждайся в кабинете.

ТЯЖЕЛЫЙ ДУХ

Пишут из Благовещенска:

Комиссия РКИ во время обследования Дома Крестьянина обнаружила, что заведующий домом т. Карпенко пользовался уборной не изолированной от жилого помещения. Вопрос о закрытии уборной неоднократно отмечался на собрании служащих, но заведующий не обращал на это внимания. Комиссия РКИ приказала закрыть уборную.

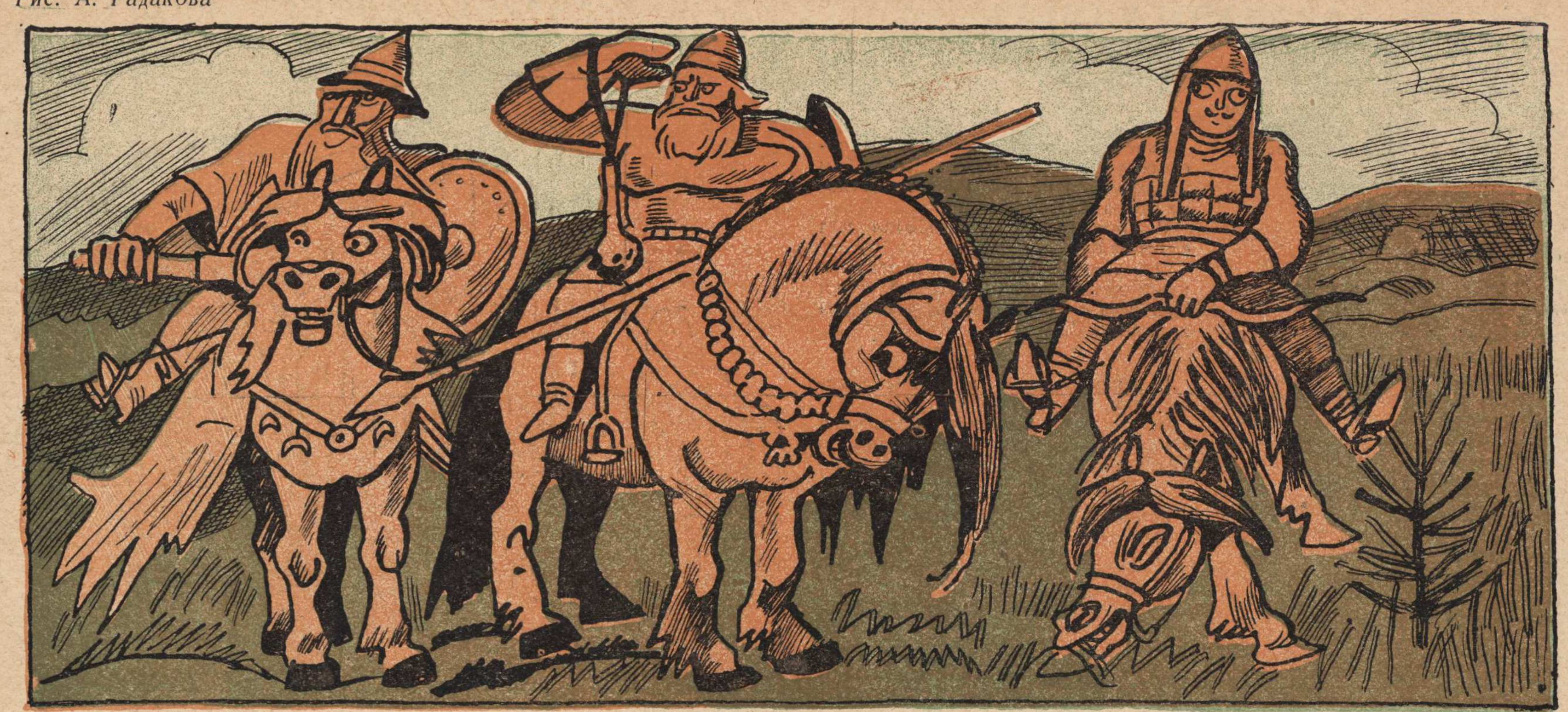
Экая досада. Не дали человеку пожить с полным комфортом!

Издание газеты «ГУДОК». Адрес редакции: Москва, Солянка, 12. Отв. редактор—А. Богдасаров.

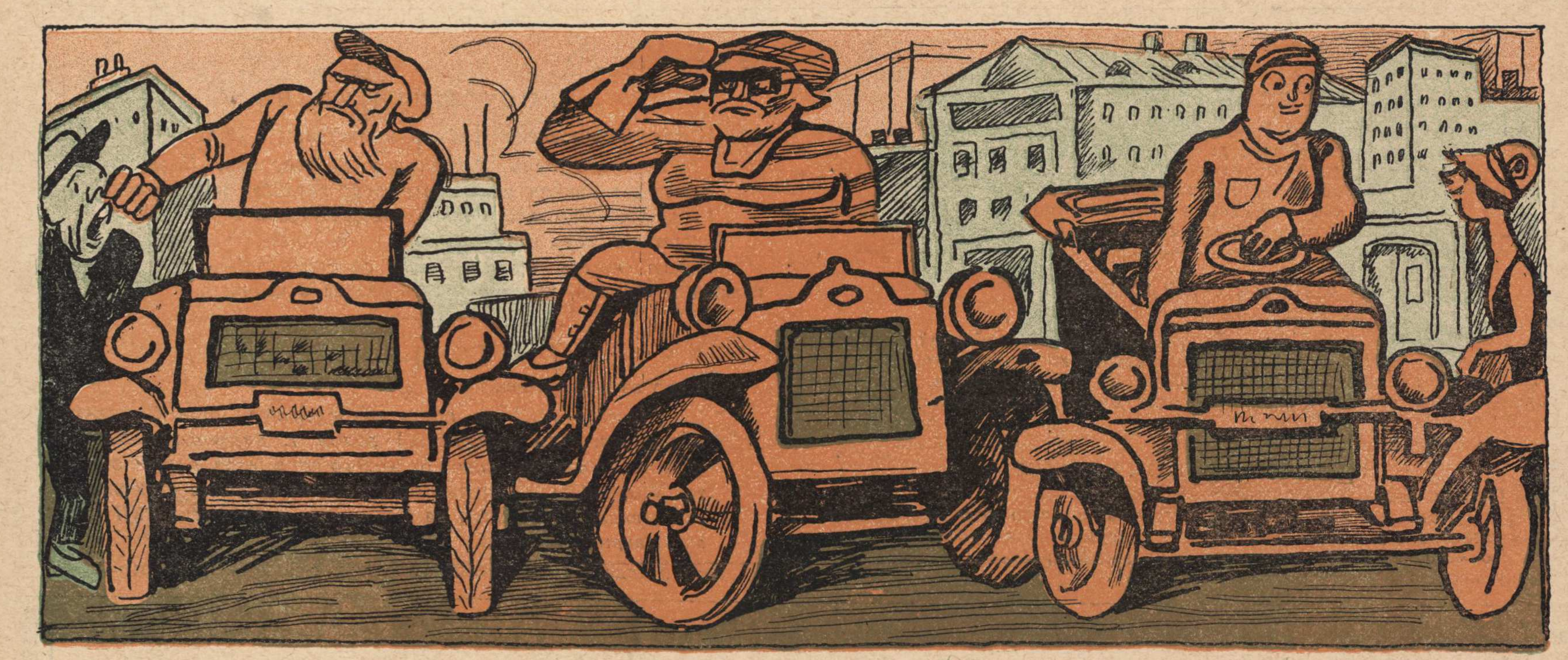
Главлит № А19137. Отп. в тип. «Гудок», Москва, ул. Станкевича, 7. Заказ № 1471. Тираж 100.000.

Рис. А. Радакова

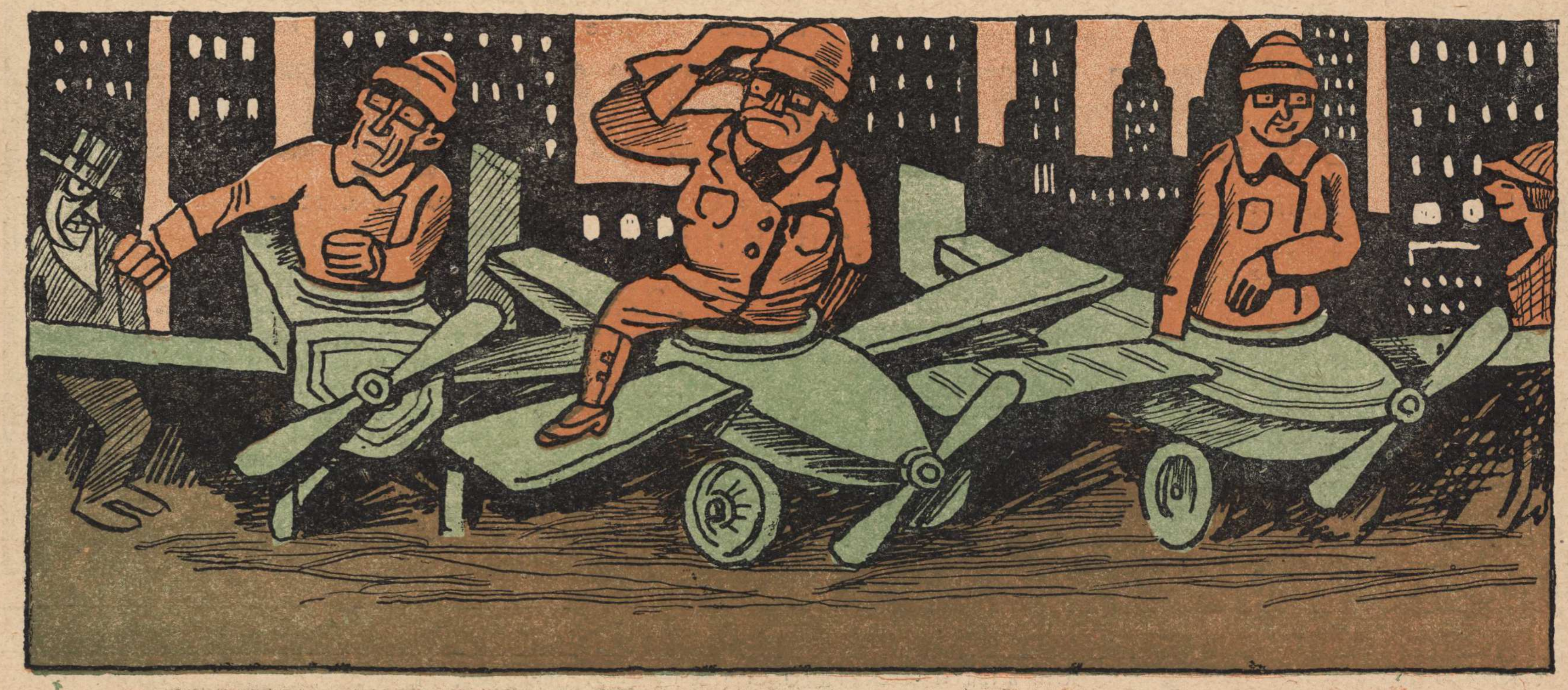
В НОГУ СО ВРЕМЕНЕМ

628 г.

1928 г.

1938 г.